

Татьяна Хрипун

О *bear* НИСЬ

Татьяна Хрипун

Обеарнись

«Издательские решения»

Хрипун Т.

Обеагнись / Т. Хрипун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502046-8

Вертолет. Девушка. Катастрофа. Бескрайние просторы Территории как из романа Олега Куваева: нетронутые человеком ландшафты — крутые сопки, лесотундра и тайга, прозрачные северные реки, мхи и непролазные болота. Что ждет героиню — городскую жительницу — на лоне дикой природы? История борьбы неподготовленного человека со стихиями и с главным врагом — самим собой, в которой как награда за упрямство неожиданная встреча, что не просто поможет выжить, а изменит саму жизнь и откроет... секреты Вселенной.

ISBN 978-5-00-502046-8

© Хрипун Т.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
День первый	7
День второй	17
День третий	22
День четвертый	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Обеагнись

Татьяна Хрипун

Иллюстратор Юлиана Хомутина

Корректор Полина Островская

© Татьяна Хрипун, 2019

© Юлиана Хомутина, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-2046-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Рукопись я читал, не отрываясь от текста, до последней страницы. Так в детстве читалась проза Владимира Арсеньева, Джека Лондона, Фенимора Купера, Редьярда Киплинга. Увлеченно. С сопереживанием. Так читается репортаж, в котором – и чувства автора, и эффект присутствия, и динамизм, и достоверность события, и точность описания. Потому что написано не с чужих слов, а из своей боли, своего страха, своего восторга, своего отчаяния. Так читается дневник, в котором все честно, потому что он – не для человечества, а для понимания себя: в любви, в разлуке, в быту, в ошибках, в опасности, в одиночестве, в обессиленности, в гармонии...

И всему этому веришь, забывая о том, что в художественном произведении возможны вымысел и гипербола. Но – «над вымыслом слезами обольюсь». Это доступно только талантливому человеку – сделать себя частью другого помимо его воли. Велик соблазн, читая повесть Татьяны Хрипун, назвать ее «прозой журналиста». Хотя бы потому, что героиня работает в редакции, вся описанная история – ее воспоминания, а повествование ведется от первого лица («я как я»). Но когда чтение завершено и осмыслено, когда перечитан еще раз «Эпилог» – как вздох облегчения, понимаешь – это литература, которая не нуждается ни в каких дополнительных определениях. Просто – очень хорошее произведение, которое посчастливилось прочитать. Самоцветное. И – полезное. Такие характеры в современной литературе – редкость. Такой выведенный стиль, сочный язык, точная деталь, психологизм – тоже.

Умеющих увлекательно излагать немало, а столь глубоко знающих и столь тонко понимающих природу и человека – единицы. И Татьяна Хрипун – в их числе. Не потому, что умеет очеловечить медвежье семейство, реку, растения, а потому что дает читателю живительную веру в то, что любовь судьбоносна и спасительна всегда.

*Иван Панкеев,
доктор филологических наук,
профессор. Москва*

Сане, который верит, когда я сомневаюсь, посвящается
**Все события вымышлены, любые совпадения с реальными
людьми являются случайными**
Я родилась в тот день, когда для всех меня не стало

День первый

Заняв свое место на одной из боковых деревянных лавок в салоне допотопного МИ-8, я даже рюкзак не сняла, чтобы не колотиться спиной о грубую, местами отваливающуюся обшивку. Меня усадили с краю, потому что полсалона занимали коробки, ящики, какие-то мешки, а на полу на жестких носилках лежал мальчишка лет двенадцати, не старше.

Санрейс из Стойбища в Город. Я тоже буду называть точки на карте как писатель Олег Куваев, а регион в общем – Территорией. Почему бы и нет? Тем более оба романа в одном томе – собственно, «Территория» и «Правила бегства» – покоились сейчас в моем заплечном мешке: книгу мне подарил старый пастух Улькукай из шестой оленеводческой бригады. Именно оттуда, из стойбища в тундре, мы забрали мальчонку, его внука, с подозрением на перитонит.

Стоянка находилась в ста километрах от Поселка вдалеке от дорог: перераспределение маршрутов вглубь тундры, уход от автомагистралей, если так можно назвать зимники и грунтовки с ухабами, местами и вовсе непроходимые, в оленеводческих бригадах происходили тяжело: эвены и коряки, демонстрируя редкое единодушие – обычно они между собой не очень-то ладят – убеждали руководство сельхозпредприятия, что им делают только хуже. Но чтобы прекратить обмен муниципальных оленей на водку, нужно было идти на крайние меры, хоть это все выглядело жалкими потугами немощных местных властей против векового уклада кочевой жизни.

Что я делала в этой вертушке? Мне как журналисту регионального СМИ выпала редкая по последним временам командировка в самый отдаленный район Территории – туда и обратно только по воздуху. Июль был на излете, солнце отдавало северной земле последний жар и плодородную ласку, памятуя о надвигающихся осенних заморозках. Это время – лучшее для командировок на побережье, где и находится Поселок. Зимой здесь так уныло и безысходно, неволей начнешь жалеть местных: в магазинах дороговизна и сплошная просрочка, из развлечения обветшавший Дом культуры, потолок которого в любую минуту может стать крышкой гроба для случайно зашедшего окультуриться. Есть еще выдавшая виды библиотека и музей, в который лет десять не ступала нога человека, не считая сонных работниц, райотдел полиции, – здесь, право, поинтереснее, – центральная улица с щербатым асфальтом и двое чокнутых, зимой и летом разъезжающих один на собачьей упряжке, другой на «Урале» с коляской. Даже в минус тридцать с ветром.

Местные жители здесь рождались, выросли в общеобразовательной и школе-интернате для детей оленеводов, достаточно рано обзаводились собственным потомством и к тридцати годам изнашивались морально и физически. Таких медвежьих углов на постсоветской Территории немало. Эти места держатся на безысходности, помноженной на энтузиазм, одних и жажду урвать хоть какой-то кусок, прежде чем покинуть эти земли навсегда, других. Бесребреники-патриоты и рвачи. Да, это про нынешнюю посткуваевскую Территорию.

Мы прилетели в Поселок за пятьсот километров от Города три дня назад с губернатором и его свитой для пасторальных сюжетов, которые можно показать в местных вечерних новостях и даже отправить федералам. На мое счастье в губернаторском вертолете было лишнее место, потому что заболел кто-то из пресс-службы, и мне поздним вечером перед полетом чуть ли не в качестве одолжения предложили «смотаться на денек-другой». Здесь я была дважды и каждый раз в холодное время года, а это почти девять месяцев кряду. Не хотела лететь, видит бог, но, может быть, после последних событий в жизни мне действительно надо было встряхнуться, сменить картинку.

Мы заселились в безумно дорогую единственную на весь Поселок, да что там, целый округ, частную гостиницу, больше похожую на хлев коридорного типа – такое сейчас почти

по всей Трассе, то есть, везде кроме Города. Стоил номер на двоих с текущей душевой кабиной и вытрезвиловкой в туалете три с половиной тысячи рублей в сутки с человека. Для здешних широт это не предел, несмотря на полное отсутствие элементарного сервиса.

Еду нам посоветовали брать в гостиничной столовой – тысяча сто за трехразовый стол. В магазине – гораздо дороже, если покупать не «Доширак». Тогда как гостиницу мне еще оплачивала редакция, конечно, сугубо по возвращении, то харчи – на свои, потому что суточные согласно каким-то там нормам тысяча девятьсот лохматого года – сто рублей в день. Это для тех, кто хочет, но не может похудеть. Хорошо, что я знала, куда еду, прихватила с собой полрюкзака всякой жрачки. Тем более вторую ночь мы коротали в Селе, что в семидесяти километрах тракторной дороги.

Здесь я не была еще ни разу, хоть слышала о колоритном быте. Летом рыбалка, зимой ожидание рыбалки. Местный богачей с говорящей фамилией Тулькин имел больше свободы, чем иной олигарх. Тут ему никто был не указ: суд тайга, медведь прокурор. Вторая ночь прошла в местной школе-детсаде на составленных кроватках. Ложиться нам предложили поперек, но это лучше, чем пойти в какой-нибудь частный дом и получить нож под ребра от местного пропойцы, не видевшего кроме пятидесяти опостылевших рож никого нового лет пять уж как.

На третий день губернатору захотелось экзотики, будто он по парку всего-то и погулял. Тогда мы и отправились в оленеводческую бригаду посмотреть на житье-бытье, порасспросить о нуждах людей, получающих чуть больше тридцати тысяч рублей в месяц за проживание в яранге, продуваемой всеми ветрами, без регулярных поставок продовольствия.

Пастухи, их жены и дети старались как могли: накрыли стол с оленьим языком, кровавым супом, шариками из фарша, именно теми, которые гостеприимные хозяйки готовят путем пережевывания оленины и скатки тугих комочков, соленой рыбой, настоящей северной ухой. В общем, чем богаты.

Губернатор оглядел тундру, пряча глаза от немилосердного ветра, сунул руки в костюмные брюки, которые здесь были как пуанты в коровнике, резюмировал, что все будет, вот руки дойдут, и обязательно будет, милостиво принял в дар малахай из натурального меха, стоил который в Городе не меньше пятнадцати тысяч рублей, – ползарплаты оленевода всего – покивал, куснул языка и громко приказал возвращаться.

Да только так вышло, что глава округа с ни много ни мало региональным министром сельского хозяйства сидели на базе уж дней пять в ожидании визита высокого гостя, подготавливали к этому событию местный электорат, чтоб не лягнули ненароком по простоте душевной чего обидного, и сильно торопились домой, потому что осунулись и похудели без коньяку и булок на диетической оленинке. Так что кому-то из нас нужно было остаться и подождать... санитарный рейс, который также должен был быть в этот день, но по погоде задерживался.

Кого же оставить на базе? Решение зрело секунд пятнадцать – журналистку из газеты. Без моих пятидесяти четырех килограммов их проблема решалась вполне: в вертолет таким образом помещались глава округа весом не менее центнера, наетых отнюдь не на рыбе и мясных шариках, и сухонький как вобла министр, который был никак не легче меня. С усмешкой я представила, кто у кого будет сидеть на коленках, и, проводив вертушку тоскливым взглядом, пошла в стойбище, где мне отвели угол палатки-яранги.

Более нелепой и унижительной ситуации вряд ли себе можно было представить. Великий и могучий губернатор одним своим словом оставил меня на неопределенный срок вдали от маломальских благ цивилизации с людьми, у которых наверняка припрятан не один ящик водки. Как только вертолет скрылся за сопками, они обнаружили свои запасы, вытащив их прямо на поляну, хранившую еще следы от колес.

Мальчик, сын одного из пастухов и внук того самого Улькиуая, в махровые советские годы заведовавшего Красной ярангой, лежал в дальней палатке на боку и тихо постанывал. К нему, почему-то, никто не подходил.

– Третий день уже мытарится, – безучастно объяснила какая-то женщина моих лет с очень плохими зубами. Ее тело было изношено родами и постоянной грубой физической работой.

Впервые за эти изнурительные трое суток, а командировки с губернатором всегда были самыми сложными из-за вечного цейтнота, я ощутила тревогу: погода в этих краях непостоянна, чуть сменится ветер и пойдет дождь, сюда можно неделю никого не ждать. Я научусь выдирать шкуры, выколупывать личинки овода у оленят, сгонять стадо, пережевывать мясо на шарики... Додумать захватывающую мысль, отбивающую остатки аппетита, которого и так от усталости не было, не удалось: над долиной застрекотала вертушка. Ми-8! Родной! Это был санрейс медицины катастроф.

Встречать винтокрылую машину сбежалась вся бригада. Откуда ни возьмись появились дети: эвенчата с белыми волосами, плоды кровосмешения коренного и пришлого населения. Мужики, лениво облокотившись на грубо сколоченные предметы быта, сплевывали через редкие зубы и обсуждали что-то свое, надсадно и хрипло хохоча; перешептывались женщины, для которых всякий гость был настоящим праздником в их скудной на события жизни.

Лишь только шасси коснулись мягкой поверхности, из салона выскочил усталый мужчина лет под пятьдесят в синей форменной куртке и с большим белым пластиковым чемоданом, украшенным крестом по всей крышке. Из кабины вылезли двое: первый и второй пилоты, бортмеханик показался из распахнутой задней створки. Они со вторым пилотом полностью открыли грузовые дверцы и стали сгружать какие-то ящики. Не теряя ни секунды, я подскочила к группе мужчин с воплем: «Кто здесь самый главный?», и, когда обернулся тот самый усталый медик, бросилась уточнять, имели ли меня в виду.

Оказалось, не имели. Привезли по случаю в бригаду необходимую провизию, медикаменты и одежду по договору с правительством Территории, должны были плюс к больному кое-что забрать, а вот про девушку – ни слова. Наверное, он ломался скорее для вида, но мне пришлось, используя все краски великого и могучего, объяснить мое бедственное положение и необходимость быть в Городе как можно скорее.

С шутками о том, что молодая кровь здесь бы не помешала, но, видимо, получше вглядевшись во французский маникюр, наращенные ресницы и модную прическу, медик решил, что с меня, с дурочки гламурной, на этом, пожалуй, хватит. Тут же подоспел командир экипажа, мужчина с простым по-северному суровым лицом:

– Игорич, или вылетаем в течение двадцати минут, или остаемся минимум до завтра: погода сильно портится. Ветер поменялся. Как бы ливень с грозой не начался. Смотри на облака!

Над долиной висел свинец из туч, который кто-то невидимой кистью слегка поразбавил белым. В одном месте сине-серое небо состояло будто из камней, не воды. Командир явно не ошибался. О том же говорил и начальник бригады: можем не проскочить, хоть идти будем в противоположном направлении.

– Я готова, – перекрикнула порыв ветра бравурно и залихватски, хоть никто не оценил ни улыбки, ни щенячьего восторга: для них все здесь происходившее – просто работа, и дурочки-журналистки из Города – ее часть, судя по их лицам, не самая приятная.

– Полезешь последняя, – отодвинул меня рукой от створ второй пилот, еще более неразговорчивый и угрюмый, чем первый, – сначала груз и больная.

Стало обидно, где-то в носоглотке противно заворочался колючий комок давно собравшихся невыплаканных слез. Сказывались дни лишений, изнурительные дни, когда человек сам себе не принадлежит и вынужден терпеть не всегда приятную компанию, невкусную жирную пищу, холод, жару, жажду, подавлять естественные желания посетить уборную, ждать своей очереди, чтобы вымыться, пытаться передвигаться как можно бесшумнее и спать глубоким сном на неудобном продавленном матрасе.

«Ну слава богу, вспомнили!», злорадно подумала я, наблюдая, как медик несет на руках из дальней яранги, а попросту брезентовой палатки, скрюченного мальчишку весом с новорожденного олененка. А то у меня уже начало складываться впечатление, что о нем забыли все, даже его мать. Он, робкий и бледный, долго сидел на бревне, укутанный в какое-то старое безразмерное тряпье. Взгляд глаз-семечек застыл где-то на уровне метра над землей. Если бы я не опровергала всю эту чушь, поклялась бы, что он общался с духами. Губы его, белесые и рас-трескавшиеся, едва шевелились, будто он силился что-то вымолвить, но не знал как. Наверное, от боли и температуры мальчик просто бредил.

– Определим его в больницу, – давал врач разъяснения матери. – Будет кому в Городе за ним присмотреть?

– Буди, буди, – кивала как болванчик маленькая сухая женщина неопределенного возраста, нестарая, но морщинистая, не знавшая крема и хорошего шампуня. – Ага, ага, я сисре позвоню, она пириглядит.

На этом врач посчитал работу с родственниками оконченной. Мальца положили на носилки, привязали ремнями, чтоб не выпал, и погрузили на пол вертолета прямо между коробками. Врач и фельдшер сели с одного борта на деревянную обитую дерматином лавку. Мне командир экипажа кивнул на место напротив.

– У прохода. И туалет недалеко, – лягнула, прежде чем подумала. Впрочем, как в девяноста процентах случаев. Вечно мне приходится за себя краснеть, прокручивая в голове сказанную фразу, которая от этого кажется еще более нелепой. Аня, заткнись!

Мужик хмыкнул скорее из вежливости, проверяя при этом створки изнутри. Через минуту вертолет, взвив мотором и разрезая пластилин туч лопастями, окунулся в северное немилосердное небо.

За жизнь я летала в вертушке всего несколько раз, и это было связано с работой. Всегда только с ней. Иногда вертолет убаюкивает, после длительной продуктивной работы, которую предстоит облечь в слова, предложения, газетные тексты. Ты удовлетворен, расслаблен, полудремлешь, если уже насмотрелся в иллюминатор, и ждешь скорого приземления.

Почему-то мне вспомнилась наша бывшая редакционная уборщица тетя Валя, как иногда, когда мозг цепляет слово за слово, одну ассоциацию за другую, можно начать думать о вещах, на первый взгляд друг с другом никак не связанных. Вот и эта мысль мне пришла как-то вдруг.

Тетя Валя запомнилась мне изощренной матерщиной и единственной установленной для себя проблемой: у астеничной тетки, как она сама выражалась, «росла кишка», то есть, все не худел живот, несмотря на то, что тряпкой она махала будь здоров – по целому дню. Как-то пришла она в мой кабинет и промежду разговорами о «кишке» поделилась радостью: впервые летит в отпуск. За пятьдесят шесть лет. То есть, тетя Валя... никогда не покидала Территорию. Ни-ког-да. Вот тут-то она и обмолвилась, а я, как обычно, положила в какую-то полочку на чердаке памяти: «Только за ягодой раз и летала на вертолете. А больше ни-ни».

Мы, когда я рассказала об этом старшей коллеге, еще посмеялись, что Валентина в Домодедово умом тронется, поняв, где всю жизнь провела. Тогда и в голову не пришло, потому что я еще не была знакома с романом Евгении Гинзбург «Крутой маршрут», а сейчас мелькнуло: как она, Евгения Семеновна, получила возможность слетать в первый отпуск после двадцати лет, вынужденно проведенных на Территории – в лагерях, а после с поражением в правах. Она так сочно описывала свои ощущения. Наверное, тетя Валины были теми же. Мы даже заключили пари, что на радостях она не вернется, вкусив «материковской» жизни. Но лет через пять я ее случайно встретила на каком-то празднике в Городе.

М-да, к Территории прирастаешь. И никакими яблоками с ветки и помидорами вдвое дешевле не выманишь истинного северянина на пресловутый «материк», где все – халява и не жизнь, а малина. Наши родители и деды все здоровье и молодость отдали Территории,

каждый день мечтая об этом призрачном собственном капитальном доме с гаражом и садом, и, однажды его обретя, не нашли такого желанного сытого южного счастья.

...Двигатель перешел с «ля» на «до» следующей октавы. Мне это показалось странным, потому что я имею хорошо развитый музыкальный слух и логическим мышлением не обделена: если раньше этого звука не было, то с чего бы ему взяться теперь? Нас тряхнуло, да так, что коробки полетели по салону, чудом не убив меня, так «удачно» сидящую прямо по их траектории. Врач, фельдшер и бортмеханик едва успели уберечь голову маленького пациента, которого уже дважды вырвало прямо на пол, от неизбежной встречи с деревянным ящиком. Но затишье было недолгим. Нас бросило вбок, и к высокому звуку прибавился иной: металлический, скрежещущий.

– Тяга, тяга! Рулевая отказала! – услышала сквозь весь этот адский шум. Почему-то я сразу поняла, что нам крышка.

Секундой позже, когда машина пошла на рискованный вираж, и счет разлетевшимся коробкам никто уже не вел, мужчины, сами державшиеся вертикально с трудом, все еще пытались уберечь ребенка от гибели под этими эверестами из грубо оструганных досок, воздвигать которые по технике безопасности рядом с больным наверняка было запрещено.

Какой-то ящик пролетел в паре миллиметров от моего лица, ударившись о задние створки. Они неожиданно распахнулись фактически у моих ног, и земля, зелено-бело-серая, завертелась где-то метрах в тридцати внизу. Создавалось ощущение, что мне снова семнадцать и в городском парке только открыли тошнотворную карусель под названием «Хип-хоп», после которой вырвало бы и космонавта.

Спиной меня швырнуло сначала на иллюминаторы, потом отбросило на место, где секундой ранее сидел фельдшер, который теперь цеплялся за груды всякого хлама в противоположной от своего предыдущего положения части вертолета. Все это больше смахивало на родео, где бравые тореадоры пытались удержаться на брыкающихся быках.

Я старалась ухватиться хоть за что-то, рюкзак тянул за собой, но смягчал каждый удар, что я получала при витках, которые нанизывал, как петли на спицу, наш винтокрылый убийца. Мне даже не было страшно: происходящее становилось похожим скорее на безбашенный аттракцион, на голливудское кино, чем на привычную жизнь, где все известно на месяцы, а то и годы вперед.

Я все еще пыталась за что-то держаться, но машина, выкинув очередной финт, неожиданно резко накренилась задней частью к земле, и я, холодея от ужаса, поняла, что сейчас вывалюсь из распахнутых и хлябающих от каждого движения створок.

«Уиу-уиу-уиу», пропел винт, с каждым оборотом крутясь все медленнее и обреченнее. Это я увидела уже в полете, как и чернеющее нутро вертолета где-то над собой, и собственные ноги, обутые в туристические ботинки, купленные накануне с бешеной скидкой, но маленькие на полразмера. Инстинктивно я еще пыталась уцепиться хоть за что-то, но ловила лишь воздух, ощущая ни с чем не сравнимое свободное падение. А потом наступила чернота. И тишина.

...Приоткрыв глаза, я поморщилась от ломоты во всем теле. Хотелось перевернуться, как я делала всякий раз утром, вытягиваясь вдоль стены, даже немного выгибаясь и утыкаясь коленом в подушку, что всегда лежала сбоку на такой случай. Это был мой ежеутренний ритуал уже много лет подряд.

Зябко. И никак не пошевелиться. Будто форточка настезь и – мало мне сквозняка – хлопает об откос при каждом порыве ветра. А ветер воет. Точно к дождю.

С трудом я разомкнула тяжелые веки. Надо мной вместо привычного белого глянцевого потолка, в который я сама себе каждое утро улыбалась и корчила рожи, небо. Серое, бездонное, словно прикинутое на листе простым карандашом, неживое...

В первые секунды я все никак не могла взять в толк, какой сегодня день, и в связи с чем я оказалась в лесу, пока как ударом молнии меня не прошло воспоминание. Вернее, сначала это был лишь звук «уиу-уиу», а потом перепуганные глаза фельдшера и врача, когда я... Я, что?! Это не приснилось мне? Разве так вообще бывает?!? Я, правда... вывалилась из падающего вертолета??????

Руки затряслись, по телу прокатился сначала жар, потом озноб и сильно скрутило живот, аж до рвоты. Этого просто не может быть!!!

Болело где-то в районе поясницы, но шевелиться я могла. Чуть покрутив головой, поняла, что лежу на большом разлапистом стланике, причем, зацепилась за ветки чем-то сзади, да крепко, сильно не пошевелишься. Я не знала, о чем думать, все смешалось, как будто в одну тарелку свалили первое, второе, третье и компот.

Ранена? Жива вообще? Это сон или... Или так в самом начале выглядит загробная жизнь? Если да, то для бесплотного духа я уж как-то сильно мучаюсь разными физическими ощущениями, начиная от боли в спине и руке, заканчивая муторной тошнотой и еще кое-каким желанием, связанным с перистальтикой.

Если я все же жива, то цел ли мой позвоночник? А если цел, как там все остальное, например, ноги? У меня они не самые в мире выдающиеся, но все-таки единственные, хотелось бы пользоваться ими подольше. А я вообще где? И где остальные, например, серьезный фельдшер с красивым лицом или пухленький бортмеханик? А мальчик... Несчастный сын и внук оленеводов с перитонитом. Где же он? Вдруг я оглянусь, а они все здесь, рядом, совсем мертвые?.. Я же до ужаса боюсь мертвецов!

Встать получилось не сразу, ветки держали очень уж крепко: похоже, зацепилась рюкзаком. Только спустя пару минут тщетных попыток, – наверное, я была похожа на черепаху, лежащую на панцире и еле-еле шевелящую лапками, – кое-как смогла расстегнуть лямки на груди, поясе и с усилием и резкой болью вытащить сначала одну руку, вторая пошла значительно легче. Все-таки рука. Вернее что-то между локтем и ключицей. В голове постоянно гудело по нарастающей, очень болела шея справа и даже на сантиметр не приподнималась рука, а поясница просто разламывалась, будто на нее мамонт наступил.

Мне все-таки удалось слезть с куста – довольно высокого, метра два над землей, разлапистого и густого, – и одной рукой снять с веток заплечный мешок, надорванный в трех местах, но все же, как и обещал производитель, не утративший своих качеств.

Ноги утопали в мягком мхе, напитавшемся влагой, над головой чирикали птички, вокруг разливалась упоительная тишина и вечерняя благодать. Да и вид мне открылся, шикарнее которого я еще никогда не наблюдала ни в одном из походов. Все было прекрасно и первозданно, кроме того, что где-то здесь, судя по всему, валялся искореженный вертолет и находилась я – почти на краю сопки, неожиданно обрывающейся скальником и рассыпавшейся почти у подножья стлаником и листовницами. Между ними тек бурливый горный ручей, впадавший в озеро, уютно расположившееся в низине между четырьмя сопками как в чаше.

Сколько ни напрягала зрение в этот вечерний час, а белые ночи уже сменялись обычными, я не могла разглядеть ни одной приметы упавшей вертушки – ни поломанных ветвей, ни следа на камнях, ни даже дыма. Наши северные дороги, например, тем и опасны, что сорвавшаяся с перевала машина вмиг теряется между деревьями, которые сходятся, будто ничем и не потревоженные. А уж если катастрофа случилась в глуши, которой на Территории девяносто процентов, как здесь кого-то вообще можно найти? Например, меня, листовничную иголку?

То, что вертолет упал, у меня почти не вызывало сомнений. Вопрос был только, где именно: в этой долине или за одной из сопки. Природа выглядела настолько нетронутой и не хоженной человеком, а, впрочем, вполне возможно было именно так, что и я чувствовала здесь себя как в павильоне, где снимают приключенческое кино.

Что-то внутри заходило ходуном. Пришлось опуститься на колени, потому что ноги были как ватой набиты: они тряслись и совсем не держали. Чтобы унять сердцебиение и головокружение, вперемишку с тошнотой и пульсацией в висках, я почти достала лбом землю и на некоторое время замерла в позе молящегося мусульманина. У меня проблемы с сосудами как почти у любого северянина во втором-третьем поколении. Врачи иногда называют это вегетососудистой дистонией, но ведь официально такой болезни нет – есть совокупность симптомов, которые сейчас навалились на меня неожиданно и со всей беспощадностью. Потемнело в глазах, и я в итоге завалилась боком в позе эмбриона на подушку из мягкого мха, закрыла глаза, пытаюсь отогнать ситуацию, как навязчивое видение. Лицо мне ласкал ветер, несущий холод с Севера. Что же мне теперь делать?! Я же здесь погибну! Это лишь вопрос времени и везения. А на последнее я, памятуя о событиях последнего полугода, не очень-то могла понадеяться.

Слезы полились сами собой. Это помогло, как если выпустить пар из скороварки: давление понижается и сразу становится легче. Я плакала и плакала, пока не намок воротник мастерки. Плечо болело очень сильно, отпали последние сомнения в переломе: правая рука просто висела плетью. Но не это беспокоило меня: до остановки дыхания, до дрожи и холода по позвонкам уничтожала мысль о том, что я совершенно одна на сотни километров, если не считать медведей, лис, волков, росомх, рысей и прочих хищников, которые рано или поздно выйдут на меня – безоружную, голодную и обессилевшую.

Я завывала в голос, кусая кулак и пытаюсь унять надвигающуюся истерику. На полигоне меня можно было бы использовать вместо виброгрохота для промывки золотиносных песков, такой бил озноб. Как я здесь выживу, если за всю свою жизнь ночевала на природе в осознанном возрасте два раза – с палаткой, матрасом, пледами, костром и чаем в котелке! Да и то, почти не спала вплоть до возвращения в теплую квартиру с горячей ванной и мягкой двуспальной кроватью. От этой мысли мне стало еще хуже и, почти не соображая, я села как проснулась от кошмара, и заорала во всю глотку в это беспощадное равнодушное пыльное небо.

Только силой воли мне удалось перестать вопить от вполне трезвой мысли, что правила поведения в лесу, которые нам вдалбливали с начальной школы, вряд ли действуют в отношении зверей, никогда не встречавшихся с человеком. Нам говорили, и мы твердили это как роботы, что если ты в лесу, никогда не ходи молча, потому что в этом случае зверь может испугаться неожиданной встречи и напасть из соображений самозащиты.

Для медведя, например, уточняли уже в университете на курсе основ безопасности жизнедеятельности, человек – не еда, косолапый старается избегать столкновений с нами. Возле Города это действительно почти всегда так и есть. Хотя этим летом медведи лезли людям на дачные участки и валялись на грядках, драли собак, пристегнутых на цепь, и даже совались людям в окна. Потому что хищник – это хищник, и ему плевать (если медведь так умеет) на любую теорию. Год за годом бурые приближаются к Городу на новую кормовую базу – помойки и места отдыха людей. А те рады стараться их подкормить ради забавы, что рано или поздно приводит к гибели зверей: от шальной пули или встречи с автомобильным бампером.

Медведи даже оккупировали кладбище, собирали харчи с могил и раскапывали свежие захоронения. Тогда и произошел этот безумный случай – неизвестные поставили ловушку на косолапого близ погоста: тухлое мясо в сумке повесили на дерево, ранили хищника, попавшего в петлю и оставили умирать на почти двое суток. Потом вернулись, отпилили лапы, вырезали желчный пузырь. Их искали, но, конечно же, не нашли.

Люди близ Города стали братья за оружие, хоть это и запрещено законом, потому что официальная власть – полиция и охотоведы – не желала разбираться с проблемой, то есть, ограждать людей от зверей.

Но это там, в Городе. Мы ходили на окрестные сопки с перцовыми баллончиками, ножами и песнями. А что ждет меня здесь? Оружия нет. Да и, справедливости ради, даже пистолет Макарова, которым вооружены полицейские, медведя не возьмет, максимум несмер-

тельно ранит и делает крайне опасным. А еще, даже имея я ножик какой-нибудь, что смогу противопоставить туше в триста-четырееста килограммов? Разве что зарезаться.

Так вот. Орать в этом лесу, твердило мне что-то внутри, что, скорее всего, и зовется мудростью, не стоит, потому что звери, ни разу не встречавшие человека, могут прийти на незнакомый звук. А так, если здесь нет какой-то особенной кормовой базы, они лишний раз не сунутся, только если хищник случайно не пройдет, когда будет менять локацию.

Сумрак смыкался над долиной, ветер становился суровее, и мне нужно было что-то решать с ночлегом. Можно, конечно, сидеть на обрыве и выть, но так ведь досидишься до беды. Сосенки шумели, где-то ухала сова, копошились в кустах евражки, потревоженные присутствием необычного гостя, наперебой голосили кедровки, наблюдающие за мной с веток, – сначала одна, потом две, три, десять – устроили целый базар.

Пока было еще довольно сносно видно окрестности, я, подхватив здоровой рукой рюкзак и повесив его на левое плечо, отправилась выбирать место, чтобы переждать до утра. Мне неплохо было бы обнаружить расщелину между камнями или отвесную стену, которая прикроет тыл. И я скоро нашла что искала: два огромных валуна примыкали к сопке, образовав малюсенькую пещеру, даже скорее углубление, со входом, но без крыши. Я предчувствовала, что ночью начнется дождь, и, преодолевая страх, нет, даже ужас, готовилась к самому суровому за всю свою жизнь испытанию – неожиданной необходимости бороться за собственную жизнь, чудом не отнятую катастрофой, выживая в дикой природе.

Наконец, я решила обзреть, хоть в общих чертах помнила содержимое рюкзака, что в нем все-таки есть мне в помощь. Смена белья. Очень хорошо. Правда, кружева от «Викториас Сикрет» были здесь не уместнее двух масок для лица – увлажняющей и питательной, дневного и ночного кремов «Диор», правда, в пробниках, гиалуронки во флаконе с шариковым дозатором, отлитых в специальные баночки по сто миллилитров шампуня, маски и филлера для волос, умывалки с мелким скрабирующим эффектом корейского производства, селективного парфюма «Ядовитый поцелуй» от «Экс Нихило», гигиенички «Кларанс», щеточки для наращенных ресниц, полирующей пилочки для матового гель-лака, маникюрных ножниц и масла для кутикулы, геля для душа, поролоновой мочалки в виде розового персика с зеленым листочком, а также круглой расчески для укладки волос и массажки. Еще в плоском кармане большого отделения лежали футболка с шортами, в которых я спала дома и в командировках, сменные носки и верх от купальника.

Кроме того, если этого мне вдруг показалось бы мало, в отдельном футляре в маленькой косметичке хранились: зубная щетка со специальным угольным напылением, дорожная зубная паста с ионами серебра, антибактериальный спрей, блеск для губ, две таблетки цитрамона, один жутко невкусный леденец «Бобс», предназначенный на случай удушья кашля, которым я, вообще-то, не страдала, полпачки жвачки со вкусом арбуза, тампон, витая пластиковая резинка, не заламывающая волосы, и икона Николая Чудотворца. Я чуть заново не зарыдала, представив, что для встречи с медведем буду хоть куда: хоть сразу жри, а можно и под корягу – про запас.

Что же я, кретинка, не взяла то, что действительно может спасти мне жизнь?! Я была гораздо беспечнее идиотов, отправляющихся зимой по трассе – основной автомобильной артерии Территории, а на деле ужасной грунтовке, пыльной летом и смертельно опасной зимой – на легковой машине в джинсиках и пуховичках. Когда от пятидесятиградусного мороза неподготовленный автомобиль замерзал на ходу, путешественники в лучшем случае могли обернуться чехлами и сжечь покрывку, пока не проедет мимо попутка и не возьмет их на буксир. В худшем они замерзали в поисках необходимого, но попадалась им, как мне сейчас, всякая дрянь – излюбленная горожанами, но совершенно бесполезная в условиях выживания в дикой природе.

Ну ладно, селективом я вместо перцовки смогу брызнуть в морду хищнику, а как меня спасет щеточка для ресниц, антибактериальный спрей и маска для чувствительной кожи?! Можно не волноваться только по поводу одного: умру я такой же красивой, какой и жила.

Слезы все текли, прерываемые истерическими всхлипами, а я судорожно заглядывала в другие кармашки, чтобы оценить во всей полноте размер катастрофы, которая для меня с крушением вертолета только началась. Здесь также оказалось четыре больших пакета и три маленьких, небольшой моток веревки, оставшийся с походов, полупустой термос с чаем, пять чайных пакетиков, банка тушенки, три хлебца, десять конфет «Москвичка», упаковка пластинок сыра и маленькая пачечка «Миндаль Иваныча» – орешков в шоколаде, всего пятьдесят граммов. Мне стало горько, ведь обычно я уплетала столько в один присест, и впервые за эти несколько часов оценила и сопоставила шансы выжить и умереть.

Ко всему прочему я нигде не могла найти свой телефон. Вероятнее всего, копошилась в нем за несколько минут до крушения и просто выронила. А еще пропал пакет, в котором была теплая кофта, штаны на смену и запасные кроссовки. По-моему, именно туда я впопыхах сунула еще в Поселке свой паспорт и командировочный лист, который отметила в гостинице. Так что сейчас на мне туристические ботинки, которые жмут, потому что меньше на полразмера, зато с боковыми грунтозацепами на подошве (вот почему я взяла на смену легенькие, если ноги натрет), тонюсенькие спортивные носки, обтягивающие черные брюки с множеством кокетливых строчек и с заниженной талией, майка, мастерка, ветровка и жилет. Слава богу, на стоянке оленеводов стало холодно и я надела почти все, что смогла.

Со мной не было дагестанского обоюдоострого ножа в кожаном чехле, из-за которого Алка прозвала меня Мадам Тесак, потому что каждый наш поход в лес начинался с того, что я обнажала свое оружие, висящее на ремне, и комично кралась к кустам, чтобы пырнуть невидимого врага ну или хотя бы безнадзорную собаку.

Собаками Город полнился как, впрочем, и крысами, голубями, чайками. Но в отличие от последних, которые просто обметывали автомобили и памятники, псы бросались на людей. С ними боролась муниципальная власть, выделяя деньги на стерилизацию. Но зубы-то собакам никто не рвал, и им даже не было нужды засасывать кого-нибудь насмерть. К тому же, по региональной программе возложена была стерилизация на департамент ветеринарии, а там под одну гребенку в специальный журнал писали и действительно тех, что жили на улице и покусывали прохожих, и имеющих хозяев, которые платили за операцию из собственного кармана. Таким образом, план как бы выполнялся и деньги осваивали, но по факту никакой проблемы это не решало. В тех местах, где я демонстрировала свой тесак, чуть не насмерть изгрызли девочку, которой уже никогда не ходить по пляжу в бикини. Хорошо, что жива...

Алка... Она теперь в Москве. Уехала на родину к родителям, бабушкам-дедушкам. Как незаметно посторонний человек может вкрасься в нас, поселиться, а когда придет пора уходить, оставить такой глубокий отпечаток, сорванный с камней мох, который очень долго не нарастет. Алка больше не разделит со мной восторг ежедневных открытий, не подхватит своей мою шутку, не ответит концом на начало известной только нам двоим фразы...

А моя мама... Впервые, находясь здесь, я подумала о маме – дорогом и родном мне человеке, который не переживет вести о моей трагической гибели. Мамочка... Ты всегда говорила, что лучше умереть, чем узнать, что твоего ребенка больше нет. Она просила меня не соваться в лес, когда интернет заполонили ролики о медведях, была против покатушек на мотоциклах, переживала, если мы уезжали на велосипедах далеко за город и всегда звонила вечером после горнолыжки узнать, не получила ли я очередное сотрясение.

«Своей смертью не помрешь», – вздыхала она, когда я кололась, что опять что-то поранила или вывихнула, и прибавляла: «Вся в отца». Но его уже давно нет с нами. Что же будет с мамой, когда ей скажут, что вертолет пропал с радаров? А если его обнаружат и в нем мои вещи... Она просто ляжет и перестанет дышать. Младшая дочь, вопреки ее воле решившая

остаться на Территории и сгнувшая в лесотундре, это будет ее смертный приговор. Мне просто необходимо выжить и сообщить ей, что рано помирать, что я еще здесь, на этой планете, и все также люблю ее. Нет, теперь даже больше.

Я снова плакала, но теперь очень тихо и безутешно. Мне нужно было подвязать руку, а часть веревки использовать на создание тента над камнями – только это уберезет меня от дождя. Когда весь рюкзак по три раза был перетряхнут, меня ждал самый главный сюрприз: зажигалка, газа в которой было крайне мало, но он все же был! Я не курила, но откуда-то она тут взялась, по-моему, ее дал один из встреченных туристов, когда мы отдыхали на берегу моря. Теперь это мое главное богатство. Потому что если я не смогу разводить костер, мне тут хана. Огонь не только согреет меня, но и отпугнет диких животных. Во всяком случае, так считается.

Изготавливать тент впотьмах, да еще и одной рукой, было проблематично, но это отвлекало от суровой неизбежности моей дальнейшей судьбы: ночевки под открытым небом. Когда два пакета – больше не потребовалось – были достаточно плотно натянуты, на землю упали первые тяжелые капли дождя, и я забегала как оглашенная, потому что еще и не приступила к заготовке сушняка для костра. Мне везло, если можно так выразиться, потому что я очутилась на месте старого горельника, которому было лет тридцать-сорок, не меньше. Это говорило о том, что где-то в этих краях, возможно, было человеческое жилище. Или ни о чем не говорило, я уж и не знала. Голова болела от падения и тягостных мыслей, от множества простых бытовых задач, каждая из которых ставила меня в тупик.

Я как могла быстро пробежалась окрест и в пару приемов нанесла под навес мертвых веток, которых мне должно было хватить на несколько часов, если экономить. Сучки и тонкие прутики я использовала как розжиг. Подпалить удалось не сразу, но как только занялось робкое пламя, я ощутила почти домашний уют и первый прилив если не счастья, то подобия удовлетворения. Хоть на что-то еще способна.

Костер разгорался все смелее на краю навеса, благо дождь шел прямой как палка. Я сняла часть одежды в просушку и даже не побоялась временно остаться без туристических ботинок. Только сняв их, почувствовала, как сильно натерла ноги. Вот что значит новая обувь – бестолковая и очень дорогая. Если ступни не обвыкнутся, я просто не смогу идти: к левой пятке прилип пропитанный сукровицей носок – лопнула мозоль. А еще пекло и в районе мизинца. Надо что-то придумать. Цитрамоном, что ли, натереть... Да нет же, балда, сбрызнуть антибактериальным спреем. Хотя, его осталось чуть-чуть. Можно и поберечь.

От переживаний и переработанного организмом адреналина меня сильно клонило в дрему, но мысль о том, что в час, когда я буду беззащитна во младенческом сне, на поляну выйдет дикий зверь и сожрет меня, действовала ободряюще, и я лишь клевала носом, отключаясь на считанные минуты, привалившись на валун, куда примостила рюкзак.

Не пойму, наяву или во сне, мне приходили какие-то звуки. Я открывала глаза, всматриваясь во мглу и вслушиваясь в ветер, треск и шорох, и не понимала, действительно ли к моему укрытию кто-то крадется – тихо и настойчиво на мягких лапах по мху и траве – или нервы, натянутые скрипичной ми, резонируют от каждого шороха, конвертируя его в грохот. Тогда я подкидывала к тлеющим углям полешку и закрывала глаза, полностью, пусть и ненадолго, обращаясь в слух.

День второй

Так незаметно на долину опустился рассвет, кроткий и нерешительный, как молодой любовник пред умудренной опытом дамой. Каждый раз открывая заплывшие от неправильной циркуляции жидкости глаза, – дело было в неестественной для сна позе – я с секунду приходила в себя, вспоминая, какой сегодня день, где я, и не пора ли мне на работу. Потом реальность наваливалась во всей беспощадной полноте, и пока сон был сильнее, я утухала.

Но с растущей зарей он развеялся, и я стала ворочаться, – озябнув и трясаясь, как бывает, когда встаешь непомерно рано, – потирая затекший бок и не чувствуя большой руки-плети, подвязанной шпагатинкой под прямым углом. Хотелось пить, есть, согреться, вытянуть ноги, помыться и вычистить зубы. Но многое из желаемого было неисполнимо.

Перед ночевкой я выпила пару глотков остывшего чая с имбирем – от этой роскоши скоро не останется и следа – и теперь раздумывала, как лучше поступить: допить чай и отправиться к истоку ключа, который неизвестно откуда бьет, скорее всего, прямо из сопки ниже того места, где я сейчас нахожусь, чтобы пополнить запас воды, или для начала взбодрить костер. Я предпочла активную разведку. Тем более оставлять огонь без присмотра посчитала недопустимым: если в лесу начнется пожар, мне уже точно не спастись – от ветра пламя распространяется с такой скоростью, что и не убежишь. Особенно с натертыми ногами и недвижимой рукой.

Идти пришлось с полчаса, пока ручеек не оказался подо мной, но значительно ниже. К нему вел сыпун из окатых камней, а ноги мои, обутые в мучительные кандалы, страдали даже от сходящего передвижения. Пришлось разуться и начать опасный спуск босиком.

Много ли вы видели городских жителей, бегающих на природе подобно индейцам? Я пробовала обходиться на побережье без обуви и ходить так по гальке, но каждый нейрон головного мозга приходил от этого в неистовство. Сейчас же мой выбор обусловила суровая необходимость с наименьшими потерями совершить первую вылазку в огромный дикий мир, куда я по року судьбы была внедрена.

То, что это оказалось плохой идеей, до меня дошло после шагов двадцати, когда, наступив на один камень, я получила им по другой ноге. И это было только начало. Пришлось вернуться, сильно хромая и наблюдая, как на ступне зреет синяк, обуться через силу и продолжить путь. Большие пальцы с отросшими ногтями, которые украшал французский маникюр со стразами, больно упирались в усиленный мыс кроссовок, и я каждую секунду, получая импульс в головной мозг, жалела, что не сходила на педикюр, потому что выпала эта дурацкая неожиданная командировка. Теперь в столь экстремальных условиях их хоть камнем пили, ножнички для кутикулы здесь точно не помогут.

Идти пришлось довольно долго и изнурительно, пока я не услышала едва уловимое журчание. Еще через какое-то время нашла более или менее пригодное для банных процедур местечко: небольшую заводь между камнями и примерно полуметровый водопадик. В заплечный мешок я опустила все самое необходимое и с жадностью приступила к омовению в ледяной воде. Я даже рискнула воспользоваться умывалкой, мочалкой и гелем для душа, но кожа, химию с которой без теплой воды было смыть не так просто, обсохнув на ветерке, стала зудеть, так что мне пришлось трижды перемыться, трясаясь от холода: температура воды была никак не выше градусов десяти.

Я сразу вспомнила отключение горячего водоснабжения, которое и проводило меня в эту поездку. Десять-двенадцать дней каждое лето весь Город оставался без возможности нормально мыться и его заплоняли «ароматные» люди с сальными патлами и пятнами на одежде в области подмышек. Конечно, такими были далеко не все. Но почему-то именно эти лезли в редакцию, мучимые какой-то неистовой жаждой деятельности. Поэтому всю радугу человеческого зловонья мы ощущали полнотой легких и остротой нюха. Я улетела в Поселок в вос-

кресенье, в день, когда по идее горячая вода должна была поступить в краны, и так и не успела ею насладиться. В Поселке воды не было целое лето, чем местных жителей было уже давно не удивить. Радовались там отсутствию веерного отключения электроэнергии и тому, что свет теперь был доступен после одиннадцати вечера. А ведь в девяностые на ночь его в Поселке вырубали: жителям даже не приходилось утруждать себя выключением телевизора и освещения.

В последний раз я мыла голову в субботу, сегодня среда. Как только я произвела в уме подсчет, где-то в районе макушки сильно зачесалось. И сколько я так прохожу: невытая, нечесаная, заскорузлая и голодная? Только яркое приветливое солнце не давало вновь, как вчера вечером, погрузиться в беспробудный мрак жалости к себе и безрадостные прогнозы на ближайшее будущее. Я должна все перемочь, как-то выстоять! Это не обсуждается!!!

Я все-таки допила свой чай, прямо здесь, у ключа, вымыла стеклянную колбу, памятуя о том, что с нею нужно обращаться осторожно, и заполнила термос студеной водой, чтобы иметь ее запас до следующего неблизкого путешествия в это ущелье. Сейчас мне следовало принять ряд стратегических решений, которые повлияют на успех всего предприятия по собственному спасению. Я со всей ответственностью, собрав в кулак волю, помноженную на отчаяние и желание жить, знания, опыт, зрительную память и логическое мышление, должна была попытаться определить свое местоположение и степень отдаленности от населенных пунктов, а также спланировать дальнейшие действия, просчитывая все возможные варианты развития событий и длительность пребывания наедине с собой.

Делая каждый последующий шаг по окатышам, которые так и сыпались вниз, сбивая мне дыхание и лишая равновесия, я продумывала, как лучше повести себя дальше с учетом погодных условий, приближающихся первых заморозков, наличия продуктов питания и естественных рисков остаться без огня, воды, если стану двигаться в какую-то сторону, а также возможность наткнуться рано или поздно на животных.

С восхищением не раз я писала в газете о путешественниках, решавшихся на опасные одиночные маршруты по Территории. Но они имели с собой гораздо больше предметов первой необходимости, были морально готовы к лишениям и, как правило, заручались поддержкой сподвижников, а также, что немаловажно, специализированных служб. Они, так или иначе, посредством соцсетей и мессенджеров, выходили на связь и давали о себе знать. Я же потеряла телефон, который здесь наверняка пригоден только для прихлопывания комаров, обо мне не знает прогрессивная общественность и МЧС, и когда приступят к поискам упавшего вертолета, мне также доселе неведомо.

Еще перед вылетом в кораль я просмотрела погоду на ближайшие шесть дней. И там, и в Городе обещали ливни. Таким образом, наше управление МЧС уже заготовило релиз, что поиски в обозначенном квадрате начнутся не раньше, чем установится благоприятная погода, потому что вертолет из Города по-другому просто не вылетит. А начальник службы, подписав это сообщение к опубликованию, уткнется в очередной карандашный набросок, кои он вышлепывает по несколько штук во время каждого заседания и вообще в любую свободную минуту, из которых, такое уж ощущение, и складывается основная часть его рабочего времени. Если он не рисует, то повышает свой кругозор чтением энциклопедий, а также не гнушается вышивать крестом и гладью. Клянусь, это все правда, я делала с ним блиц-интервью к прошлому двадцать третьему февраля. Еще тогда закралась робоньякая мысль, что с такими спасателями не приведи господь оказаться в чрезвычайной ситуации – и на тебе.

Помню, когда мы собрались в довольно сложный поход в ста километрах от Города с заходом в старую северстроевскую штольню, планировали, как того требуют туристические инструкции, оповестить МЧС. «Прикинь, – сказала я предложившей позвонить в службу Алке, – возьмет дежурная трубку и, выслушав наши точные координаты, время начала и предполагаемого завершения маршрута, скажет „Да по*уй“ и даст отбой». После этого каждый раз,

когда хотели подчеркнуть равнодушие официальной власти к происходящему, мы иллюстрировали это именно такой фразой из двух слов с одним непечатным.

Это ведь Алка рассказала, как губернатор, решивший для камер связаться с диспетчером из пункта экстренной связи, которые стали устанавливать по трассе как единственный способ обогрева, получения первой помощи и возможности поймать мобильную сеть, наткнулся на абсолютно индифферентный рывк от тетки на другом конце провода.

Как-то замначальника МЧС лично мне комментировал, почему они не среагировали на вызов, который в режиме сигнала СОС послал на проходящее судно обитатель острова близ бухты, у которого скончалась сожительница, и он не знал, что ему делать – просто так ведь не похоронишь, – «Жизни человека ничто не угрожает. Пусть полиция разбирается». Кстати, полицейские добирались туда больше суток, наняв у частного катер, чтобы засвидетельствовать ненасильственную смерть и позволить бедолаге, хранящему труп возлюбленной во льду недалеко от домика, наконец, придать ее земле. Так что на данный момент шансы мои увидеть в небе вертолет с надписью «МЧС России» такие же, как обнаружить под своим навесом Джейсона Стетхема в ковбойской шляпе и со «Смитом и Вессоном» в трусах.

Когда я вернулась к месту ночевки, в моем «домике» кто-то покопался. Я была больше чем уверена, что это евражки – по-научному берингийские суслики, ну, или, может быть, бурундуки – северные белки. Кто бы то ни был, у меня утащили гигиеничку от «Кларанс» из открытого отдела рюкзака: все остальное там было большего размера. Это же вообще охренеть можно: меня обворовывают в богом забытом месте... грызуны. Рядом на камне валялось полным-полно шелухи от прошлогодних шишек, ведь нынешний урожай еще не поспел. Скорее всего, я оказалась на продуктовом складе: вчера сквозь отчаяние и сонливость слышала свист и тоненький крик: так один из этих зверьков трубит об опасности. И происходит это, если неприятель подбирается близко к жилищу или запасам.

Расшурудив обгорелой корягой костровище, которое едва дымилось, но еще было пригодно к разведению огня, я старалась выработать план, как мне действовать в частности и в общем. В частности, как правильно распределить запасы и уберечь вещи от зверей и непогоды. А в общем, что мне делать дальше.

Судя по карте в моей голове, а я питаю некоторую страсть к географии, люблю изучать всякие схемы и воображать, какой здесь можно было бы проложить маршрут, я нахожусь в сотне примерно километров от побережья, если двигаться четко на юг. Но Город-то находится на Юго-Западе. Идти туда километров двести пятьдесят или около трехсот, где-то так. Это если по прямой, а с учетом сложного рельефа, рек и ручьев, вершин...

Лучше б я об этом не думала! Слезы хлынули сплошным потоком, буквально в три ручья. К тому же меня замутило, все внутри скрутило в тугой узел. То, что еще каких-то полчаса назад казалось веселым и необычным приключением, навалилось с новой силой реальности, пришедшей вместе с отчаянием. Может быть, к лучшему, что я не знаю своего точного местоположения, потому что если я дальше, чем думаю, то остается просто лечь и умереть.

Я вновь разложила перед собой еду и крепко задумалась, ощущая изменения в атмосфере по пению птиц и какому-то напряжению, витающему в воздухе. Не зря с утра парит: небо за считанные минуты залило свинцом из облаков. Вот-вот ливанет! Прежде чем подсчитывать запасы, мне срочно нужно набрать сушняка!

Подхватившись, я снова заметалась по своему плато, радуясь, что невдалеке есть дрова, что место достаточно открытое, чтобы просматривать окрестности метров на сто, что есть эти камни, между которыми я, пусть и вынужденно, разбила лагерь, что я не на одной из сопков, куда мы как-то ходили большим составом малознакомых людей, где камни и больше ничего. Там-то я что бы делала? Где выискивать дрова за пять минут до ливня, если на километры вокруг только серо-бурые валуны?

Меня все-таки трудно назвать пессимисткой. Другая бы впала в кому от одной мысли, что нужно не просто жить в лесу, а в прямом смысле выживать без мало-мальски необходимых вещей, а я вот даже иногда смеюсь и позволяю себе всякие успокоительные мысли, что, например, мне хватит пищи, а если нет, я смогу ее как-то, пока не знаю, как именно, раздобыть. Что я смогу выйти к людям. Или что меня спасут еще здесь, по последним следам, что оставил вертолет перед тем, как куда-то деться.

Чем больше я с невероятной болью и ужасом обдумывала возможное, а, вернее, почти стопроцентно вероятное крушение, тем сильнее укреплялась в мысли, что винтокрылая машина и четыре человека на ее борту сейчас покоятся в том самом озере в чаше между сопками, куда впадает мой спасительный ручеек. В противном случае я бы обнаружила хоть какие-то следы, а еще вероятнее, был бы дым или даже огонь, потому что в вертолете находилось топливо и при столкновении с землей оно наверняка бы воспламенилось. Если этого не произошло, значит, он потонул. Или упал настолько далеко, а я ведь сейчас пусть не на самой высокой, но все же вершине, что мне отсюда и не видать. В любом случае, встретить людей, с которыми я вылетала из стойбища, живыми теперь вряд ли удастся. Да и меня, скорее всего, считают погибшей, хоть еще никого и не искали.

Дождь уже ронял на землю свои первые печальные капли – тяжелые и какие-то звонкие. Это подгоняло меня лучше любой палки. Под навесом уже скопилось какое-то количество дров, но мне нужно было еще, потому что затяжной дождь в это время, да еще и с ветром, резко понижает температуру, тем паче в горах. А у меня нет достаточно теплой одежды и высококалорийной еды, кроме банки тушенки, которой надолго не хватит.

Под навес я забиралась, порядком измочившись. Пришлось пожертвовать одним большим пакетом и двумя маленькими, чтобы соорудить нечто вроде занавесок, потому что дождь был косым и лупил не прямо между камнями, но залетало на костровище порядочно. Оставив щель для выхода дыма, я, как смогла, облагородила место своего пребывания: чуть сместила очаг, навалила на это место стланиковых веток, самых тоненьких, потому что только их мне удалось оторвать, постелила жилетку, так как было еще достаточно тепло, к камню прислонила рюкзак и, разложив второй раз уже продукты, принялась их делить, делая в уме некоторые расчеты.

Я несколько раз бывала в походах и понимала, что при самом лучшем раскладе смогу покрывать в день по заданному рельефу километров тридцать. Еще нюанс: поиск ночлега. Это должно быть просматриваемое место на возвышенности, желательно у скалы или крупных камней, чтобы защитить тыл и иметь возможность укрыться от непогоды, там, где есть проточная вода, желательно питьевая. Благо на Территории таких ключиков и ручейков предостаточно – пей почти из любого, избегая крупных рек во время нереста лососей. Можно запастись дровами и оборудовать костровище, чтобы не спровоцировать пожар.

Поэтому берем за ориентир тридцать километров в день по хорошей погоде. Получается порядка десяти дней пути. Десяти!!! Матерь божья! И это при условии, что я смогу перейти реки, которые мне сто процентов попадутся, форсировать пики или найти способ обхода, который может превратиться в огромный крик, не приблизив меня к цели и на метр. Значит, ориентируемся на две недели.

Да, Аня, рыдать бессмысленно, просто смотри фактам в лицо и принимай действительность, какой бы она ни была. Но почему же так трясутся руки? Как вообще унять эту предательскую дрожь и хоть на какое-то время отогнать мысли о возможной скорой кончине от голода, холода или зубов хищного зверя?

Значит так, надо поделить мои запасы на четырнадцать равных частей. Это получается, что пять пакетиков чая мне придется использовать минимум дважды каждый, банка тушенки не сможет храниться вечно, и я или припасу ее на случай голодного обморока, или съем, чтобы иметь тару для кипячения воды хотя бы для того самого чая, я уж не говорю о мытье. Ладно,

этот вопрос я решу чуть позже. Остается три хлебца, десять конфет «Москвичка», упаковка из пяти пластинок сыра и маленькая пачка орешков в шоколаде. Понятно, по конфете в день, когда кончатся, останутся орешки, их где-то штук десять-двенадцать, а также по четверти хлебца и половине пластинки сыра – это часть суточной дозы.

Еды было настолько мало, что я и сама не верила, что выживу, так питаюсь. Конечно, я читала о жителях блокадного Ленинграда, которые спасались только тем, что делили все имеющееся съестное на малюсенькие части и подпитывали угасающий от истощения организм, как свече нужно немного кислорода для слабого горения фитилька. Сейчас пора дикоросов, и я могу есть ягоду, варить в банке грибы. Это не давало умереть экамам в середине прошлого века, выдержу и я.

Я была настолько одновременно взвинчена и подавлена, что непрерывно думала только еде. Так уже было когда-то в пору тотального контроля потребленных калорий: если лишала себя ужина, весь вечер думала, чем за это побалую себя на утро, и как-то так получалось – не хотела есть. Сэкономлю на продуктах и сейчас, какие проблемы? Пожалуй, единственная – это то, что я сидела с этими мыслями и прожигала время с калориями впустую.

Решение, нужно ли мне идти, еще окончательно не созрело. Меня мучили вполне объяснимые страхи разминуться со спасателями, которые в любом случае станут прочесывать этот район. Сразу, хоть я меньше всего этого хотела, мне вспомнились две громкие спасательные операции на реке Муксунке, которую закрывшиеся столичные туристы любили из-за экстремального сплава и сумасшедшей красоты видов. Так вот, за этот месяц спасателям пришлось эвакуировать оттуда, а это порядка двухсот километров от ближайшего населенного пункта, две группы – одну за другой с разницей в полторы недели, потому что неподготовленные туристы, добравшись к началу сплава, не рассчитывали силы, теряли оборудование и провизию и не находили ничего умнее, чем просто вызвать МЧС, чтобы их вывезли в цивилизацию. Спасатели, в свою очередь в первый и второй раз добирались до «пострадавших» по десять суток и даже больше из-за непогоды и сложностей рельефа. Так это при точном указании координат и облетанности маршрута. А я-то черт знает где.

Сейчас опять-таки непогода и спасательная операция может начаться еще нескоро. А хватит ли у меня продуктов, чтобы прождать здесь неделю и, поняв, что ничего так и не произойдет, найду ли я силы, чтобы все-таки начать путь к спасению? Это какая-то русская рулетка. А я не хочу испытывать судьбу, просто сидя в какой-то долине какого-то озера, ставшего, возможно, могилой для четырех человек, и ждать с моря погоды! Ведь спасение утопающих...

Весь остаток дня, а мне даже некуда было записать число и день недели, чтобы не сбиться со счета, потому что я, журналюга хренова, так привыкла к диктофону, что пренебрегла элементарными канцелярскими принадлежностями – ручкой и карандашом, – я читала, а, вернее, перечитывала «Территорию», уносясь прочь от своей беды в бескрайнюю долину реки Ватап к Чинкову, Баклакову с Гуриным и моей коллеге Сергушовой – идейной советской журналистке, которая точно знает, о чем нужно писать. В какой-то момент я отвлеклась от чтения, потому что неожиданно решила оставлять зарубки маникюрными ножницами на рюкзаке, и без промедления сделав это, снова окунулась в геологию середины двадцатого века – мир суперменов и высоких нравственных идеалов.

Дождь, почти не попадая в мое укрытие, умиротворенно барабанил по кулькам, трещали полешки в костре, подо мной было тепло от перенесенного очага, нагретые в огне камни я подкладывала себе под ноги и поясницу. Я задремывала, роняя книгу, потом снова ее открывала и начинала с прежнего места.

Пока рядом с тобой хоть какое-то чтение, ты не одинок, а если оно действительно интересное – ты сказочно богат. Я оценила свое сокровище только в этот момент, когда отчаяние подступало к горлу, чтобы задушить – к концу второго дня своего бедствия.

День третий

Не помню даже, от чего я проснулась: от холода ли, голода или какого-то звука, да вот только помню, как сейчас, тень, неспешно мелькнувшую за пакетами. Что это было? Лиса? Заяц? Росомаха? Медведь? Тихо-тихо. Только легкий ветерок. Морось. И эта тень. Бесшумная и жуткая.

Я боялась дышать и, затаившись в своем хлипком убежище, ждала, что сейчас зашуршат кульки и ко мне проникнет звериное нечто, чтобы покончить со всем этим фарсом. Секунды цеплялись одна за другую, но ровным счетом ничего не происходило. Только обычные звуки живой природы и довольно темная, пасмурная и холодная ночь.

Я снова перенесла костер, хоть и не хотела шевелиться, чтобы не прогнать остатки сна, которым хоть на короткое время забывалась от навалившихся тягот. Во второй раз это оказалось даже проще и как-то привычнее, что ли. Закидав новую лежанку стлаником, я подбросила дровишек, делая с другой стороны отверстие между пакетами и камнями, чтобы создать тягу для дыма. Потом подложила под бока еще достаточно теплые камни из костровища, старые, что давно остыли, сунула в огонь и, ощущая приступ немилосердного голода, за которым неотступно следовали отчаяние и страх, закрыла глаза, безотчетно подгоняя рассвет.

Утро наступило как-то незаметно и обреченно: каменно-серое и безрадостное, как два последних дня, которые сделали меня северным Робинзоном без даже намека на верного Пятницу. Всего-то ничего прошло времени в масштабах вселенной, а чувство такое, будто ничего иного и не было: ни работы, ни увлечений, ни друзей, ни теплого жилища – ничего, только эта возвышенность над долиной с озером и бесконечная вода с небес.

Никогда еще не начинала новый день со слез, но все случается впервые. Лежа на стланике и вяло сменив холодные камни на теплые, успевшие изрядно поостыть с момента последнего подбрасывания дров в костер, я подложила левую руку под голову и уставилась в небольшую щель между пакетами, откуда видела все те же камни, мох, низенькие кустики еще не созревшей брусники и верхушки сопки вдаль: одни за другими бесконечной цепочкой. Примерно в той стороне находится море – огромное и недостижимое из-за горной гряды. Если я хочу выжить, мне придется идти туда, навстречу неизвестности и риску в любой момент погибнуть. Каждый час, что я трачу в пустопорожном сидении, лишает меня жизненных сил и приближает конец.

Наверное, проще решиться на пешую кругосветку, сидя в шикарной квартире, чем мне на первый шаг в этом крутом маршруте. Даже мысль выбраться из своего убежища, собрать скарб в заплечный мешок и двинуть по долинам и сопкам куда-то на юго-запад была страшнее самого испепеляющего ночного кошмара, после которого до утра не унять дрожи.

Чтобы как-то отвлечься, я умылась водой из термоса, почистила зубы, нанесла крем и пошла сама с собой на компромисс: перед началом большого пути нужно как следует подкрепиться, а для этого следует открыть ножничками банку тушенки и съесть ее всю, освобождая тару для кипячения воды. После этого основная единица моих продовольственных запасов исчезнет, но назад дороги уже не будет.

Дольше уговаривать себя мне не пришлось: мысль только додумывалась, а руки уже проворно втыкали тонкие лезвия ножниц в крышку банки и ловко вспарывали ее по краю. Как только ноздрей коснулся аромат тушеного мяса, я перестала соображать и, развернув ножницы ушками, стала ломать и зачерпывать ними куски говядины, которые ловко отправляла в рот. Лишь когда половина была проглочена, поймала себя на необходимости жевать тщательнее, чтобы сохранить чувство насыщения на подольше.

Сколько раз мы с бывшим мужем грели тушенку на костре и, всыпав туда немножко лапши, делали настоящие макароны по-флотски: минимум теста, максимум мяса и все при-

правлено дымком и кусочками с треском вылетевшей из открытого огня золы. Тогда мы много катались на мотоциклах с рюкзаками, палили костры, смеялись и занимались любовью. В какой момент произошла трансформация от его ласковой улыбки до фразы: «Я не могу дальше жить со стервой», я не успела понять. Где-то среди этих счастливых пяти лет затерялась страсть и нежность, взаимопонимание и восхищение, оставив лишь упреки и горечь.

Где он сейчас? С той, которую мне предпочел? В этот час они, наверное, собираются на работу и, шутя, толкаются в кухне. Мы часто так делали, когда вставали в одно время и спешили, опережая друг друга, приготовить завтрак, одеться и разехаться до вечера. Наша жизнь была почти идеальной. Почти...

Если я продолжу думать о самых болезненных событиях в моей жизни, то зачем вообще куда-то идти: ляг у костра и жди смерти. Потому что жалость к себе зашевелилась ершистым комком в горле и навернулась на глаза злыми слезами. Я была достойна счастья не меньше других. Но на сегодняшний день, мы не берем во внимание авиакатастрофу, я осталась совершенно одна: без Алки, которая вернулась в Москву, объявив мне о своем решении за месяц до отъезда, и без Алика, того самого моего мужа, уставшего жить со стервой.

Пихай, пихай все в рюкзак и прекрати думать! Аккуратненько сложим пакеты: один к другому, плюс веревка. Сверху банку из-под тушенки, ее помою в ручье, мимо которого пойду. Там же восполню запас воды в термосе.

Да, он был прав, этот чертов Алик. Прав в том, что я в последнее время, за полгода примерно, превратилась в вечно брюзжащую бабу, которая уже не делает различий, за дело ругает или по инерции, отзеркаливая неудавшийся день, сливает негатив на того, кому некуда деться от этой волны нематериального говна. Разве справедливы мы к близким, когда отравляем их жизнь из ложных побуждений сделать совместный быт лучше с точки зрения комфорта, на самом деле убивая единственное, создающее комфорт – наши отношения.

Я сделала шаг, взваливая рюкзак на спину одной работающей рукой и неся вторую подвязанной на веревке. Вдох-выдох. Шаг, еще один. Банально, но дорогу действительно осилит идущий. Иначе не бывает великих открытий и просто сумасшедших историй, от которых долго не проходят мурашки.

Спуск по тому же маршруту, по которому прошлым утром, еще по солнышку, я ходила умываться, стал опаснее из-за скользких камней. Но мне торопиться некуда. Сегодня я пройду столько, сколько смогу, пока не подыщу место для ночлега. Мне нужно как-то оценить силы и проработать маршрут. Делать это я буду с каждой возвышенности, откуда смогу рассмотреть дальнейшие самые короткие и приемлемые для моего состояния тропы.

Наверное, из-за недоедания, стрессов и усталости рюкзак показался мне невероятно тяжелым. Не успев толком начать путь, я стала спотыкаться, ощущая невыносимую боль в скрюченных набитых пальцах и то, как вскрываются мозоли, от чего ноги будто варятся в кипятке. Я вообще не чувствовала в себе сил что-то делать, не то, что отправляться в длинное и невероятно опасное путешествие в один конец.

Утро дарило влажную прохладу и порывы отнюдь не летнего ветра, по-хозяйски почесывающего хребты сопки колыханием деревьев. На Севере нет высоких деревьев: лиственницы, ольха, березки, в том числе и карликовые, стланик. Когда об этих широтах пишут тайга – это не совсем верно. Она здесь действительно есть – в поймах крупных рек. Чаше встречается лесотундра – именно в такие места я и попала. А верхушки многих сопки представляют собой сплошняковые камни вообще безо всякой растительности. И это для меня – наибольшая проблема.

Один раз я попала в поход на гряды каменистых сопки. Расстояние в километр мы преодолевали несколько часов из-за сыпучих и опасных обвалов. Мне не миновать подобных переходов, и это самое страшное: низинами идти очень долго и опасно – где есть вода и расти-

тельность, обитают и хищники. В этом смысле на камнях мне почти ничего не грозит кроме несчастного случая да колоссальной потери времени и физических сил.

Во время этих нехитрых расчетов я поравнялась с тем местом, откуда сутки назад набирала воду. Нужно как следует напиться, вымыть банку, чтобы в ней можно было согреть воду, пополнить ее запасы в термосе и, не теряя больше ни минуты, двигаться.

Выдавлив из тюбика немного шампуня, я намылила жестянку с бодрой коровой и надписью «Бурятмясопром», чтобы снять с нее остатки жира, но это удавалось с большим трудом из-за того, что работала я фактически одной рукой – левой, придерживая утварь правой, висящей на веревке плотно к туловищу. А еще вода была такой студеной на фоне этого пасмурного промозглого дня, что руки мои задубели до ломоты, а банка так и осталась сальной.

Я едва смогла открутить пробку термоса: пальцы то и дело проскальзывали. Но питьевой воды себе все же набрала, после чего долго хлопала ладонью о ногу, чтобы восстановить, хоть частично, нормальное кровообращение. Не знаю, чем была обоснована моя медлительность, растерянность, голодом или желанием отсрочить неизбежное, но возле ручья я проторчала никак не меньше получаса, все не решаясь просто встать и пойти.

В итоге, когда все поводы были использованы, я еле поползла по ставшему еще более крутым каменистому спуску, ведущему прямехонько к озеру, тихонько подскуливая и вздрагивая, как дети, пережившие истерику: только не плачь, не плачь, не... Я сдохну как животное, и меня даже по-человечески не похоронят из-за глупого, самонадеянного, безрассудного авантюризма, из-за этого вечного противостояния стихиям – нежелания примириться с неизбежным и просто ждать, из-за моего идиотского упрямства!

А ноги все шли и шли. И вот я уже оказалась на берегу озера – гладь его рябилась от ветерка и здесь, в низовье долины, – а судя по природе находилась я все же значительно выше уровня моря, – звуки были совершенно иными, как в хорошем концертном зале. Если бы в тот момент я возвышалась непосредственно над водой, я бы увидела вертолет, лежащий на дне, и надпись «Медицина катастроф» с красным крестом на борту. Но ни с одной возвышенности без специальных оптических приспособлений этого было не разглядеть, и я, даже не поежившись от близости к искореженному куску металла и мертвым людям, покоящимся внутри него, как в материнском чреве, тронула воду, отметив, какая же она не по-летнему ледяная, не только в горном ключе, но и здесь, и пошла, не оглядываясь, в сторону дальней сопки, по самому пологому боку которой решила штурмовать подъем и там уже оценивать свои дальнейшие перспективы.

Если бы я тогда знала, какую страшную находку чуть было не совершила, не было бы всей дальнейшей истории: я, несомненно, в истерике поплелась бы назад, спиной ощущая незримое присутствие мертвецов, заново развесила бы пакеты и, согрев чаю, принялась ждать помощи, которая пришла бы в любом случае – это был лишь вопрос времени и терпения, потому что по маячкам и радарам примерное место падения вертолета уже наверняка стало известно спасателям. Дело оставалось за подходящей погодой.

...Безрадостный серый день – это определенно не самое подходящее начало спасительного маршрута. Если в низине, которую я преодолела где-то за час, было относительно тепло и маловетро, то как только я поднялась до середины не такого уж безобидного склона, как мне сдуру показалось, иногда вставая на три опоры, со стороны моря прилетели порывы, и меня мигом просквозило до костей. Спрятаться было некуда – хоть на камни ложись. Но только двигаясь, можно было не окоченеть, хотя ни о какой скорости речи уже не шло. Отдающее болью при каждом неосторожном движении плечо, невозможность опереться на руку, отекающие пальцы, как бывает во время длительного перехода и смены температур, и пока еще не смертельно, хоть и очень чувствительно, натирающие туристические ботинки не давали развить хотя бы привычную для меня скорость.

Когда я вползла на хребет, дунул боковой ветер такой силы, что, оступившись, я припала на одно колено, больно им стукнувшись, и только тогда огляделась, щурясь от порывов, вызывающих слезы. За этой сопкой, робко и безотчетно надеясь на чудо, я думала увидеть хоть кусочек моря, пусть вдалеке, но все-таки моря. Разумеется, мне не открылось и намек на воду, только сопки, сопки и еще раз сопки – такие по-разному скроенные матушкой-природой, но одинаковые и неприступно безразличные вековые громадины в величественном северном пейзаже.

Я заорала в это безмолвие с силой неистового отчаяния, аж загорелось горло. Я так долго молчала, что этот звук исторгся будто откуда-то извне, разрезав пространство и долго еще возвращаясь эхом – сначала реальным, а после звоном в моей голове. Казалось, я повторила «нет» тысячу раз, пока не поняла, что отчаяние выпивает меня досуха, и с такими темпами у меня просто не останется сил на то, чтобы идти. Я оглянулась на то место, где провела предыдущие двое суток, все еще желая превратить свое восхождение в разведку и вернуться. Мы странно устроены: где бы ни находились, какие бы обстоятельства над нами ни властвовали, мы все равно упрямо избираем некую точку своим домом, чтобы было куда стремиться, чтобы одиночество и страх хоть на миг отступали, сменяясь пусть ложным, но чувством защищенности и покоя.

То место у скалы между двумя большими камнями стало для меня в этой враждебной действительности точкой соприкосновения с домом, и я сейчас отрывала его от себя с кровью, с мясом, выдергивая последние тонкие корешки, чтобы двигаться дальше. Но все мое существо хотело обратно, к обманчивой безопасности, в тепло и относительное безветрие. Умом я понимала, что могу обрести точно такое же укрытие в любом месте своего маршрута, но меня все равно упрямо тянуло назад. Наверное, именно из-за этого чувства мы не совершаем много героического, безумного и великого.

Я все еще плакала, идя по хребту, на спуске которого неожиданно появилась робкая растительность: мох, шикша с брусникой и несколько низеньких веточек стланика. Как природа растит живое там, где это только возможно, так и я должна быть сильной, чтобы выжить в агрессивной среде, невзирая на ветер, дождь, холод, отсутствие пищи и солнца. Я – дикая малина, проросшая в скальнике на продуваемом всеми ветрами обрыве, и я буду несгибаемой в своей ничтожно мелкой борьбе за существование.

Наклонившись, я сорвала бруснику, розовую с одной стороны, и бело-зеленую с другой. Положила на язык, чувствуя кисло-горький вкус и впервые наслаждаясь им. Шикшу использовала, как и в детстве: отправила горсточку в рот, разжевала, утоляя жажду, и выплюнула грубую кожуру. Конечно, сейчас мне не помешает любой источник витаминов, но я все еще, после жестокого ограничения в питании и съеденной впоследствии банки тушенки, опасалась сорвать желудок. Пока не была и очень голодна, хотя день неумолимо клонился к вечеру. Мне нужно искать следующий привал в распадке рядом с водой.

В этом и заключался мой главный страх: проплутать до ночи и не обнаружить подходящего для ночлега места. Я нередко на протяжении жизни оказывалась в плену страхов, которые мучили меня и терзали, а когда наступали сами события, все складывалось проще, чем я даже могла себе вообразить. Но во всем моем прошлом не было и сотой доли того, что я переживала теперь, и нынешние мои ставки оказались значительно выше, ведь речь не шла об исполнении какого-то дела, проекта, это всего лишь на всего была моя жизнь на кону.

Вопреки ожиданиям, спуск оказался легче подъема: в этом месте склон представлял собой типичную лесотундру с поросшими мхом большими камнями и низенькой растительностью. В таких местах обычно полно грибов. Но, может быть, для них еще рановато.

Распадок между следующей грядой сопок был как на ладони, но идти дотуда оказалось делом долгим. Когда я вошла в лесной массив, на и без того затянутом тучами небе гуляли густые сумерки. Кедровки, потревоженные присутствием чужака, расчирились, как

они умеют, на разные голоса. Не раз в своей жизни я представляла себе эту кошмарную с моей точки зрения ситуацию неподготовленной ночевки в лесу. Я лежала в своей теплой постели с книгами, пультом от телевизора, чаем и представляла, что в эту вот минуту в каком-нибудь диком лесу холодно, промозгло, воет ветер и я неожиданно оказываюсь там, пугаясь каждого шороха.

Мы часто воображаем жуткие вещи, в надежде, что они никогда не произойдут. Я могла себя поздравить: один из ночных кошмаров сбывался прямо сейчас, но я, почему-то, уже не чувствовала ужаса в той первой остроте. Присутствовали беспокойство, волнение, внутренняя дрожь, неудобство – это все можно было бы гораздо короче назвать стрессом, но никак не ужасом.

На Территории в любом распадке путника ждет река или ручей. Это закон. Здесь среди зарослей разнотравья тоже журчала вода, судя по всему, ручеек был небурный и неширокий. Но я сопротивлялась возможности остаться здесь из-за диких зверей. Если на возвышенностях, где гораздо меньше растений и лучше обзор, вероятность встречи с ними была, предположим, сто к одному, то здесь не менее чем пятьдесят на пятьдесят.

К тому же, меня стали терзать комары и мошки, которых не было до этого. Здесь же, в кустах, они вились целыми облаками, жужжа и проникая в нос, глаза и уши. Нужно было перебраться через ручей и обследовать противоположный берег, более незаросший. Но следуя вдоль, я никак не могла найти места, чтобы перейти, не замочившись. Температура в данный момент не превышала градусов тринадцати, поэтому нужно было по возможности оставаться сухой.

Как будто услышав мои мысли, кто-то там наверху лениво приоткрыл кран, и с неба упали первые тяжелые капли дождя. Я горько рассмеялась и, не выбирая больше, разбежалась и прыгнула, но не рассчитала веса рюкзака и того, что берег снизу может быть подмыт.левой ногой я сумела встать дальше, а правая провалилась и оказалась в воде выше щиколотки. Ботинок мигом наполнился и противно зачавкал.

С трудом я выбралась на берег и, оценивая рельеф под бомбардировкой капель, увидела единственное более или менее приемлемое место: старую лиственницу, от ветра кривую и наклонившую ветви низенько над мшистой подушкой и камнями. Если мне удастся еще понатаскать веток, повесить свои кульки, то я смогу переночевать в относительном комфорте.

Кинув рюкзак под дерево и забыв о дожде, я забегала взад-вперед, обламывая сушняк, терзая еще живые ветки стланика, достаточно тонкие, чтоб их можно было оторвать без применения ножа – мой прекрасный тесак, на кого ж ты меня покинул!

Через полчаса лиственница стала больше похожа на шалаш, внутри обтянутый полиэтиленом, там же я выложила костровище из принесенных камней и оставила еще несколько для собственного обогрева, натаскала сухих дров, раскурочив какое-то мертвое дерево, и принялась за растопку.

Поднялся ветер, несшийся по долине вдоль ручья и задевавший меня вскользь, даже, я бы сказала, огибавший. Я чиркала зажигалкой раз двадцать, прежде чем занялось пламя. Если останусь без огня, то мне точно конец. Эта простая мысль, которая раньше в силу разных обстоятельств не приходила мне в голову, буквально вышибла из мнимого равновесия. Глядя на зажигалку, лежащую передо мной на камне, я была близка к панике. Удивительно, какое в такие моменты значение для нас приобретают пустячные предметы быта. Кто бы мог подумать, что для меня, бросившей курить много лет назад, делом жизни и смерти станет сохранение последних капель газа и кремня в зажигалке.

Огонь разгорался не торопясь, лениво и сонно, но в моем убежище стало немножко теплее. Я смотрела на этот маленький оранжевый язычок, постепенно теряя силы. Сегодня удалось пройти совсем немного, если считать по прямой, может быть, километров пять-шесть,

но начало было положено и, как ни крути, завтра придется двигаться дальше. Но будет легче. Обязательно будет...

День четвертый

Когда я открыла глаза, огонь погас, а на улице было совсем темно и далеко до рассвета. Я и проспала-то, возможно, не больше часа и проснулась от холода. Ветер все еще выстреливал частыми залпами по долине, дождь на время перестал, но было так холодно, что застучали зубы, и я сама заколотилась как отбойный молоток. Ботинок мне пришлось снять и поставить к огню, но он вряд ли высохнет в таких условиях, а стопа, обмотанная запасной футболкой, почти ничего не чувствовала.

Еще чуть хмельная ото сна и голода, я раздула один-единственный еще не потухший уголек и все-таки развела костер, на что ушло не меньше часа. Что-то за пределами моего шалаша шуршало, вздыхало, пищало и топало, но, судя по звукам, то были мелкие зверьки. Когда огонь занялся как следует, я погрузила в него камни, предназначенные на согрев, и даже решила, наконец, вскипятить себе воды для чая. Но, подумав, отбросила эту мысль – лучше было дожидаться дня, чтобы не тратить и без того скудные ресурсы понапрасну.

Трудно было назвать отдыхом ночные часы лежания в ненадежных продуваемых и толком не обогреваемых укрытиях – мой мозг почти не отключался, только на считанные минуты, как в самолете, когда гул затихает и тут же врывается вновь. Но в эту ночь мне было особенно тревожно, уж не знаю, с чем это оказалось связано, кроме того, что жизнь моя балансировала над пропастью.

До конца не оформившиеся мысли, мы иногда называем это предчувствиями, раздирали меня изнутри. В этот ночной час воображение не давало сну на время стать моим господином и подкидывало все новые страшные картины того, что со мной может произойти. А от совокупности причин – я ничуть не отдохнула, была зверски голодна, сильно измотана и не могла хоть на время забыться сном, – волна страха, нет, даже ужаса, росла внутри меня как цунами, в любую секунду готовая захлестнуть и смыть все внутри своим могучим ударом.

Стараясь думать о чем угодно, только бы отвлечься, я почему-то неожиданно вспомнила редакцию и наши будни. Это подействовало на взвинченные нервы умиротворяющее. Там и сейчас, уверена, все так, как я помню. Не в данную минуту, разумеется, а вообще.

Наверняка продолжает звонить одна бабка, хорошо, что живет она в Заречье, с которым Город связывает паромное сообщение летом и автозимник в холода. Наш с нею контакт начался как раз в пору временной остановки парама на большую землю, когда жители Заречья на некоторое время оставались отрезанными от цивилизации, но так к этому привыкли, что наслаждались жизнью, невзирая на то, что не могли пока поехать в Город. Официально они были автономны несколько недель, но по факту не более дней десяти, потому что, несомненно, рискуя, перебирались через реку пешком и даже на авто только местным известными тропами.

Так вот, глубокая пенсионерка Юля Ефименко – так она сама себя величала, словно все еще, как восемьдесят лет назад, была девчонкой, – мешала односельчанам активно радоваться жизни, весне и солнышку, потому что обещала попать соседей по подъезду, дралась с местными бабками, а главу национального села звала проституткой, объясняя это тем, что она, глава бишь, будучи женщиной до сильного полу охочей, обвиняет бабушку Юлю в излишнем интересе к сексу, а у нее, Юлии Павловны, «секса не было, нет и не помню» – это абсолютно точная цитата.

Она ведь нормальная, адекватная старушка, а вот вызванные главой полицейский и фельдшер, заговорщически перемигиваясь, пытались Юлю Ефименко убить и увезти в дурдом, да-да, именно в такой последовательности. В последний раз, когда я ее слышала, а звонила она всем журналистам по очереди, ругалась с одним и переходила к следующему, бабушка Юля просила газету разобраться, на каком основании местный участковый проник в ее квар-

тиру, сунув ступню между дверью и косяком, а также крутил ей руку, обвиняя в том, что она чеканулась.

Взрывоопаснее и не по годам прытче нее была только восьмидесятидевятилетняя бабка, которая «Ленина с молодости хотела» и предлагала нам лечить все недуги талой водой, которую набирала в луже за домом и морозила в бутылках, а также жаловалась, что в ее батареях шепчутся люди Владимира Путина, потому что она подпись за него, тогда еще как за кандидата в президенты на очередной срок, до сих пор не поставила...

Еще до того, как открыть глаза, я почувствовала, что на меня кто-то пялится из темноты. Эта мысль так сильно взбудоражила, что я буквально подскочила и тут же врезалась головой в ветки. На меня в упор смотрели желтые глаза. Это была молодая лисица, которая уселась перед входом в мое жилище и даже не отбежала, когда я в ужасе чуть не разломала шалаш. Да, лисы вообще не пугливы, быстро адаптируются к людям и очень любопытны. Близ Города я их неоднократно встречала и даже иногда кормила, чего уж скрывать, хоть ветеринары пугают бешенством, переносчиками которого лисички и являются. И сейчас пришла рыжая именно за едой. Только вот в этот раз мне угостить ее нечем.

По еще более пасмурному небу споро бежали серо-сизые облака, готовые вот-вот разразиться ливнем, который в этих широтах не так часто и бывает. Мы и о громах с молниями узнали в последние лет восемь-десять. Сильно изменился климат на Севере. Лет двадцать-тридцать назад, да и раньше, если верить писателям, за все лето редко когда удавалось снять куртку. А в последнее время дамы стали баловать себя прогулками без капроновых колгот, топиками и коротенькими шортами. Не каждый день, но за сезон раз пять-десять бывает.

Конец июля – начало августа часто сопровождается на Территории сезоном дождей. В это время в Городе обычно выключают воду, и все жители мучаются от невозможности погреться в ванной после целого дня в промозглой сырости неотопливаемых помещений. А поскольку с нашим киловатт-часом не разгуляешься, не каждый включает дома обогреватели, этот приятный бонус остается для офиса, где за электричество платит работодатель.

С наступлением утра я не вышла из уныния, связанного с тем, что время шло, а погода не улучшалась, рука моя болела ничуть не меньше, еды не прибавлялось, у меня все чаще кружилась (и чесалась!) голова, а настроение твердо держалось на отметке ноль и даже чуть ниже. Я не могла себе позволить роскоши переохладиться, потому что не имела возможности нормально питаться и отдыхать в тепле. Скорее всего, дело кончится воспалением легких, если я буду шастать под дождем и не просушиваться. Но и сидеть, ожидая с моря погоды, как у нас говорят, поедая и без того мизерные запасы продуктов вхолостую, – это верная погибель.

Подкинув дровишек в костер, я решила, наконец, согреть полный термос чаю и двигаться, попивая его по чашке каждые полтора-два часа. С первой кружкой я могла себе позволить четвертинку сыра и половинку хлебца, а с последней – конфетку и, может быть, в порядке исключения, даже орешек в шоколаде. Только при одной мысли о еде в желудке моем завелся «Харли-Девидсон», но, обуздав чрево, я отправилась к реке совершать ежедневные обязательные омовения. Лис неотступно следовал за мной – маленький любопытный огонек.

Почему-то в его присутствии мне стало теплее, хоть это и смешно. Человек, все-таки, стайное животное, и когда рядом кто-то есть, пусть дикий и небезопасный, ему легче и веселее. Во всяком случае, незаметно для себя во время чистки зубов и ополаскивания в студенном ручье, я что-то напевала. А плут, посидев со мной минуту, побежал назад, чтобы обшарить стоянку. Бедный, ничего его там не ждет, кроме глухо застегнутого рюкзака.

Теперь мне предстояла очень интересная миссия: носить к костру по банке воды, нагревать до кипения, переливать в термос и, закупорив пробку, повторять процедуру. И так четыре раза. Столько же пакетиков чая было в моем арсенале, то есть, день я буду пить цейлонский, а день отвар из уже начавшего цветение иван-чая, брусничного листа и стланика. Кстати, в сере-

дине прошлого века эков, сосланных в эпоху тотального террора в эти края, лечили стланиковым отваром от цинги. А иван-чаевый завод еще в войну, не здесь, правда, а, по-моему, под Ленинградом, приказал разбомбить лично Фюрер из-за исключительно целебных свойств получаемого напитка. О пользе для организма брусничного листа на Территории и вовсе знает стар и млад. Так что, буду обходиться всем, что есть.

Основная проблема, рассуждала я во время кипячения воды в банке, заключалась в острой нехватке пищи и невозможности как-то ее раздобыть. Я могла рассчитывать на грибы и ягоды. Грибов, как я заметила, еще не попадалось, может быть, с появлением солнца после нынешних дождей они как раз и полезут. А из ягод сейчас можно было поесть жимолость и, наверное, голубику, если найти хорошо прогреваемое болотистое место.

Да и вообще, если буду двигаться в пределах запланированного километража, вчерашний день не в счет, то по моим подсчетам к морю я выйду через дней девять-десять. Непонятно, где именно, но, надеюсь, примерно в тридцати-пятидесяти километрах от ближайшего населенного пункта. То есть, вопрос пропитания стоит достаточно остро. И хотя человек может обходиться без воды четверо суток, как нас учили в школе, без воздуха (не дай бог) четыре минуты, а без пищи четыре недели, я бы не хотела знать, на что способен конкретно мой организм. Ведь в пору активного похудения успела испытать все прелести головокружения и невероятной легкости, просто невесомости тела, а также упадок сил.

Чай был согрет и плотно закупорен. Я отлила немного в крышку, накипятила еще воды и заполнила емкость под горлышко, чтобы по максимуму использовать порцию заварки. Потом полезла за пакетом и, развернув еду, поняла, что вот-вот накинусь на нее и съем все до крошки. Только невероятным усилием, помноженным на стальную волю и отрезвляющий удар по руке, я съела положенное, правда, умяв и конфету с орешком в расчете поставить на сегодня на этом точку в своих гастрономических излишествах.

Жальче всего мне было лиса, который, хоть я и села спиной к выходу, чтобы его не дразнить, упорно буравил меня желтыми глазенками и нетерпеливо бегал вокруг, не решаясь все же в меня ткнуться. Нет, милый, прости, не могу. Ты еще найдешь себе мышку или зайца, а я рассчитываю только на то, что имею в этом драгоценном пакете.

Следующий вопрос, который мне предстояло решить до отправления в путь, что делать с огнем. У меня еще осталось сколько-то там газа в зажигалке, но становилось ясно, что надолго его не хватит, и вскоре – завтра или послезавтра – вопрос сохранения огня будет для меня самым важным. Ладно, сейчас еще рано об этом думать, порешала я, сворачивая пакеты, один из которых здорово потрепал ветер, поверх остального имущества. К книге я даже не притрагивалась, не до духовной пищи, когда желудок прилип к спине.

Лис долго шел за мной, я бы даже могла подумать, из надежды поживиться, но скорее всего ему тоже было здесь одиноко, и он впервые узрел в своих угодьях двуногое чудовище с длинными ресницами, цветными когтями и вонючими сальными патлами, собранными в гнездо. Почесываясь на ходу в местах укусов и признавая, что не пахну я как лесной житель, их было бы гораздо больше, я, спотыкаясь, шла по-прежнему вдоль ручья, только в противоположную, чем вчера, сторону. Сколь веревочке ни виться, но придется переваливать через очередную сопку, это вопрос времени, тем более русло незаметно стало поворачивать направо, а мне нужно было налево.

Приметив на склоне довольно приветливую проплешину, я стала взбираться, впервые за много часов ощущая прилив тепла и даже некоторую влагу под мышками. Но достигнув вершины, пожалела, что шла так быстро, потому что по мокрой спине загулял немилосердный северный ветер. Взору моему, как и прежде, открылась гряда сопки. А обернувшись, я с горечью обнаружила, что друг мой, хитрюга-лис, исчез, как и не было. Вероятно, пошел домой. Я снова осталась одна.

Ручаться за точность расчетов возможности не было, но день так быстро стремился в вечер, а проходила я на свой собственный взгляд так мало, что это повергало в отчаянное уныние. Я все еще видела, пусть и вдалеке, верхушку с отвесной скалой, под которой провела первую и вторую ночи, и понимала, что отошла отнюдь не так далеко, как хотела. Не открывались моему взору и новые горизонты, например, долгожданное море, а силы покидали все быстрее. Держалась я на голом упрямстве, поэтому с хребта сошла непростительно поздно: нужно было вновь нырять в долину, где наверняка была вода, и располагаться на ночевку.

Вопреки моему прогнозу, дождь за весь день шел трижды: резкий и безапелляционный, пусть и весьма непродолжительный. Лило в общей сложности около часа, все это время я старалась провести в укрытии, и вымокла незначительно, хоть и потеряла возможность пройти лишние четыре-пять километров. Зато я ни разу толком не продрогла, да к тому же постоянно подогревалась чаем, а по пути набрала три вышеозначенных ингредиента для завтрашнего витаминного сбора.

Это единственное, что меня радовало, потому что спуск со склона оказался куда труднее, чем рисовал взор, а ночь ложилась на сопки все плотнее, как шаль, наброшенная на остренькие женские плечи. В какой-то момент на небольшой площадке, две части которой составляли отвесные скалы, а третью преграждал неслабый валун, оставшаяся же продолжалась сыпучим спуском, я поняла, что ночевать мне, по всей видимости, придется именно здесь, подсобрав по склону сушняка на растопку, потому что дальше он, склон бишь, состоял из мелких камней до самого низа, а до шумящего лиственницами распадка было не менее часа пути. Еще какое-то время потребуется на организацию стоянки. И это все в темноте, ведь тучи так и не разошлись.

Дров было совсем немного, сухих и подавно, так что надежды на огонь таяли с каждой минутой, проведенной в поисках. Вокруг совершенно не было травы, лишь мох, который я с остервенением выдрала, особо не надеясь, что он мне хоть чем-то поможет. Если это исландская разновидность, то я точно знаю, что его добавляют в хлеб при выпечке. Наверное, и есть можно. Если исландский... О местных мхах я почти ничего не читала, поэтому, как ко всему незнакомому, относилась к ним с нейтралитетом и осторожностью.

Натянув уже привычными движениями, задействовав, в основном, одну руку, пакеты между камнем и скалой, я попыталась подпалить ветки и мох, но заниматься огнем не хотел. Я знала, что до этого дойдет, когда нужно будет использовать в качестве розжига страницы из томика Куваева, но ждала такую минуту не сейчас. Я ненавидела себя за то, что делаю, но остывающий организм оказался требовательнее жаждущего пищи духовной разума: руки как-то сами по себе отрывали от корешка первые страницы, которые, по правде говоря, я знала почти наизусть, но страдала, будто изувечиваю святыню.

От пожелтевших смятых листков мох едва занялся и, покоптив для порядка, потух. Я рванула еще, раскладывая наломанную щепу так, чтоб она успевала просыхать. Но дело двигалось туго, а каждый последующий чирк мог оказаться для моей зажигалки смертельным.

Чирк-чирк-чирк, скрежетала она, через пять на шестой раз выдавая вместо искры маленький язычок, хоть распределитель был повернут на максимум. Только вот газа внутри почти уже не наблюдалось. Страницы, пятнадцатая и шестнадцатая по счету, уже доглевали, превращаясь в серые комья, но не увлекая за собой другие горючие элементы, на которые я очень рассчитывала. Последним, что я могла сейчас сделать, это предать агонизирующему пламени этот уже почти бесполезный кусок пластмассы, который может высвободить ровно столько импульса и спасительного жара, которого хватит для мелких дров. Ах, была – не была!

Не успев осознать последствия, я кинула зажигалку в умирающий огонь, и через пару секунд раздался хлопок: огниво взорвалось, отдавая почти бездыханному костру все себя. Ветки не подхватывали пламя, мох, хоть он должен был подсохнуть, тоже, и я поняла, что проиграла: огня больше не будет. Наклонившись и закрыв догорающий озорной язычок руками, я стала в прямом смысле слова вдыхать в него жизнь аккуратными точечными толчками угле-

кислого газа из легких. Ничего. Секунда. Нет. Еще одна. Нет. Дымок-танцовщик исполнял уже на пепелище свой предсмертный пируэт...

Сначала загорелся самый краешек мохового шарика – так робко и осторожно, что я вообще боялась пошевелиться и выпустить воздух из легких, чтобы его не потушить. Потом огонь побежал по тоненьким ниточкам, еле-еле озаряя пространство вокруг себя подобием света. А еще через мгновение оранжевая юркая точка скользнула по щепе, и я слегка дунула, чтобы увеличить площадь горения.

Я провисела над костровищем кверху задницей, закрывая его своим полуживым замерзающим телом, не меньше пятнадцати минут, пока не удостоверилась, что огонь жизнеспособен. Только тогда почувствовала, как нестерпимо ломит поясницу от пешего передвижения, ночевки на земле под открытым небом и напряжения мышц. А еще с удивлением обнаружила, что оперлась на оба локтя, несмотря на резкую, как удар спицей, боль в плече, словно молнией пронзавшую всю руку до кончиков пальцев.

Умываться я не пошла, потому что до изнеможения устала на этом этапе пути, хоть и всем нутром чуяла, что он далеко не самый сложный. В идеале я давно хотела поднагреть воды и попытаться, хоть и фрагментарно, по-человечески вымыться. Голова чесалась так, будто вся состояла из вшей. Но это были всего лишь грязные нечесанные волосы, к которым оказалось настолько противно притрагиваться, что я несколько суток не развязывала тугой узел, уже порядком расхлябанный.

Есть хотелось просто смертельно, до озноба, до колик. У меня оставалось еще порядка чашки чая. В пакете своего часа ждали собранные на холмах иван-чай, брусничный лист и стланниковые иглы. Это заправка для завтрашнего ободряющего питья. Завтра. Все завтра. Я решу как-нибудь вопрос мытья, сделаю себе маску и превращусь из чернавки в принцессу. Одинокую странствующую повелительницу Оркнейских островов из сказаний о короле Артуре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.